

Василий Иванович Немирович-Данченко

У коменданта

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
У коменданта**

Полковник Берхман только что вышел на обычную свою прогулку по стенам Дербента. Как коменданту крепости, ему мало было дела у себя в цитадели в сравнительно мирное время, а теперь, когда по сведениям, несколько дней назад полученным им, газетат уже объявлен, что он мог предпринять с двумя ротами и несколькими сотнями казаков? О движении лезгин он ничего ещё не знал. Посланный с депешою нарочный от Брызгалова не доехал, а Амеда он пока не видел. Он поднялся наверх и невольно загляделся туда, где к стенам Дербента некогда примыкала славная в древности, поразительная до сих пор своими величавыми остатками, стена, уходившая по гребням гор и их стремнинам внутрь Кавказа.

— Да! Тут делай, что хочешь! Светлейшему хорошо было прокатиться миротворцем по Кавказу, да поснимать войска отовсюду. Как-то мы станем расхлёбывать эту кашу! Теперь в Петербурге все в восторге. Помилуйте, — одними добрыми чувствами умиротворили Дагестан. Он нам покажет это умиротворение! В полгода мы больше потратим солдат, чем за

все эти двадцать лет, и поздно будет всё-таки. Хорошо ещё, что они не осмелятся обложить Брызгалова в его Самурском укреплении... А то пришлось бы плохо... — и он, понутив голову, пошёл к себе домой.

Вечер быстро сменился ясною ночью. Молодой месяц ярко светил над старою крепостью, и всё море далеко внизу было охвачено его серебристым сиянием... В комнатах комендантского дома, некогда дворца шамхалов тарковских, где гостил Пётр Великий, было светло и весело... Офицеры собрались уже на партию бостона. Как везде на Кавказе, здесь железная дисциплина царила только в строю, на службе. Вне её все оказывались добрыми приятелями, и фамильярность была общим условием жизни в этих горных гнёздах. Берхман скоро забыл свои тяжёлые предчувствия и сам повеселел.

В это самое время в дверях показался вестовой.

— Чего тебе? — спросил Берхман.

— Там горец спрашивает вас.

— Какой горец?

— Не знаю-с. Говорит, самого полковника

надо... Я уж ему толковал, чтобы он к адъютанту шёл. Не слушает.

— Сейчас выйду. Переводчика!

— Он говорит чисто, ваше высокоблагородие.

— Ещё лучше.

Берхман вышел, всмотрелся в Амеда и не узнал его.

— Чего тебе надо?

— Я Амед, сын Курбан-Аги Елисуйского.

— Боже мой!.. Я и не узнал тебя... Что с тобой? Что значит этот маскарад?..

— Иначе мне нельзя было бы и пробраться через позиции неприятеля, полковник. Я переделся в Самурском укреплении.

— Что? Какой неприятель в Самурском укреплении? Туда пробирались горцы только слабыми шайками.

— Слабыми шайками! Их больше двенадцати тысяч... Газават объявлен, и первый удар его обрушился на майора Брызгалова. Горными скопищами командует князь Хатхуа.

— Князь Хатхуа?.. Не может быть... Он ведь при Шамиле теперь, — это любимейший из

его набов. Не может быть.

— Нет, полковник, может. У меня его ружьё, а внизу — лошадь, отнятая у него.

— Отчего ты не убил его? Ведь между вами кровь.

— Я? По адату во время войны все канлы отменяются.

— Как это всё случилось? Постой, — пойди сюда. Жена тебя чаем напоит, да и ты едва держишься от усталости.

Амед вошёл. Здесь его знали почти все. Офицеров удивили лохмотья, в которых явился к ним богатый елисуец. Он скромно сел в стороне, по горскому обычаю, не рассказывал сам, а ожидал расспросов.

— Амед, садитесь к столу!.. Ну, теперь, пожалуйста, с начала и подробнее.

Горец шаг за шагом передал всё, что с ним было с того момента, как Брызгалов дал ему опасное поручение, и до того, как он явился в Дербент. Он старался умалчивать о том, что сделано им самим, но это невольно сквозило в его рассказе.

— Вот молодчинище-то! — вырвалось у офицера.

Амед оглянул его сияющим взором и продолжал свой рассказ.

— Что ещё приказал передать Брызгалов?..

— Главное... У них продовольствия хватит только на три недели... Не больше...

Берхман задумался. Самые тяжкие из его предчувствий оправдывались ранее, чем он думал. Система Чернышёва уже приносила первые плоды... Послать провиант — пустое дело. Его заготовлено было в Дербенте много, но как его доставить в крепость, обложенную отовсюду... В виду громадного скопища горцев — надо было для прикрытия не менее батальона, а его не было в распоряжении у Берхмана. Он знал, что и генералу, командовавшему линией, неоткуда взять войск, особенно если другие шамилевские наибы воспользуются этим положением и откроют военные действия. А раз началось здесь, непременно пожар перекинется и туда. Юноша был так утомлён, что, передав всё, необходимое коменданту, опрокинул голову на руки и тут же заснул. Офицеры не будили его... Жена Берхмана с участием смотрела на молодого елисуйца и знаками попросила всех выйти в

другую комнату.

— Бедная Нина! Прямо из института и попала в такую опасность! — вздыхала она.

— Трёхнедельный запас... Ну, положим, Брызгалов протянет его на месяц — и даже больше... Потом, в крайности, можно будет зарезать коней...

— Если их не перебьют лезгины. Теперь ведь они на всех скалах осиными гнёздами засели. Сверху на выбор стреляют. Потом фуража довольно ли для коней... Старого сена нет, а нового ещё не заготовляли. Под самой крепостью луга, но теперь за ворота коней не выпустишь.

— Да! Положение отчаянное... Хотя терять надежды нечего... Поручик Самойлов!

Различив в тоне начальника нечто официальное, молодой офицер вытянулся.

— Завтра в полдень вы вместе с Амедом отправитесь на линию, слышите! Представьте его генералу и скажите, что, по моему мнению, Амед заслужил солдатский георгиевский крест. Поняли? Потом пусть он передаст всё сам генералу, а я буду ждать вас с инструкциями...

— Слушаю-с.

— Всё это исполнить возможно быстрее!.. Я бы вас сейчас отправил, но теперь всё равно его превосходительства нет. Застанете вы его только после завтра. С собой возьмёте двух казаков понадёжнее и проводника.

— Проводника не надо! — слышалось позади.

Все оглянулись. В дверях стоял Амед. Ему достаточно было несколько минут, чтобы очнуться... И он уловил последние слова коменданта.

— Проводника не надо. Я все эти горы знаю хорошо и доставлю господина офицера, куда будет надо... А теперь прошу позволения уйти...

— А поужинать с нами?..

— Нет, я устал... У меня здесь дом. Мне пора...

— Ну, ступай! Спасибо... Я не забуду твоего подвига и сделаю с своей стороны всё, чтобы ты поверил, что за царём служба, а за Богом молитва не пропадают.

Теперь, боясь заснуть в седле, Амед пошёл пешком, ведя за собою кабардинца в поводу...

Перед ним открывалось теперь новое поле для подвигов. И молодой человек чувствовал, что у него кружится голова в ожидании славы и счастья... Он не думал о подстерегавших его опасностях. Для этого он был слишком гордец. Ведь больше смерти не будет, а смерть неизбежна, о чём же ему было заботиться!..

1902